

УДК 338.2(1*KR:1*JP:1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Отабек Мухаммадалиевич УМАРОВ

соискатель факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Ордынка, д. 47/7, строение 1, г. Москва, Российская Федерация,
115184

E-mail: omuhammadaliyevich@mail.ru

ORCID: 0009-0008-3091-1872

ЦИТИРОВАНИЕ: Умаров О.М. Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: вызовы, возможности и риски // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 78–94.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Статья поступила в редакцию 07.11.2024.
Исправленный текст представлен 21.01.2025.

АННОТАЦИЯ. Процесс цифровизации государственного управления и цифровой экономики в развитых и развивающихся странах становится одним из ключевых факторов суверенности и стабильности государства, технологической и информационной основой эффективности внутренней и внешней политики, его национальной безопасности. В статье рассматриваются процессы цифровизации государственного управления, продвижение искусственного интеллекта (ИИ), больших данных (БД) и других инноваций в цифровой экономике на примере трех ведущих государств Восточной Азии: Республики Корея (РК), Японии и Китая (КНР). На основе выборочного анализа отдельных цифровых компонентов национальных цифровых моделей автор выявляет ключевые компоненты процессов цифровизации в данных страновых опциях

и анализирует их уровень и эффективность функционирования, а также специфические особенности и «узкие места», присущие каждой из моделей. Методологически большую часть цифровых проектов можно свести к понятию «государственные цифровые платформы» (ГЦП), критерии оценки которых связаны со снижением издержек госрегулирования, динамичным обновлением и анализом цифровых профилей и др. Проецируя общие и специализированные индексы на цифровые реалии указанных государств, в статье определяется «цифровое место» каждого из государств в тройке экономических лидеров Восточной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, Южная Корея, Япония, Китай, электронное правительство, искусственный интеллект, безопасность.

В последние годы наблюдается значительная динамика в развитии цифровизации и внедрении современных технологий всеми регионами планеты с целью оптимизации предоставления государственных услуг и повышения уровня гражданского участия. Ускоренная трансформация традиционных государственных сервисов в цифровые форматы, масштабная адаптация к удаленной трудовой деятельности, интеграция систем искусственного интеллекта в повседневные процессы, акцент на цифровых методах аутентификации личности и управлении данными, а также широкое использование аналитического инструментария и передовых технологий при разработке государственной политики являются ведущими глобальными тенденциями. Одновременно с этим цифровая трансформация государственного сектора способствовала значительным улучшениям в области инфраструктуры, включая расширение доступа к качественным услугам широкополосной связи и усиление мер по обеспечению кибербезопасности, что способствует созданию прочных основ для конкурентоспособности цифровой экономики.

Процесс цифровизации системы государственного управления и формирования цифровой экономики как в индустриально развитых, так и в развивающихся странах последовательно трансформируется в один из ключевых детерминантов поддержания государственного суверенитета и стабильности. Данный процесс закладывает технологические и информационные предпосылки для оптимизации как внутривластной, так и внешнеполитической деятельности государства, играя при этом стратегически важную роль в укреплении его национальной безопасности.

В рамках данного исследования проводится всесторонний анализ различных цифровых составляющих южнокорейского, японского и китайского подходов, включая такие элементы, как электронное правительство (ЭП), большие данные, искусственный интеллект и прочие ключевые индикаторы. Целью исследования является идентификация наиболее оптимальной цифровой системы среди трех рассматриваемых государств: Республики Корея, Китайской Народной Республики и Японии. С этой целью предполагается осуществить селективный анализ отдельных компонентов каждой из моделей с акцентом на выявление их преимуществ и перспективных направлений для последующего совершенствования.

В методологическом плане значительную долю современных цифровых инициатив (таких как электронное правительство, проекты по работе с большими данными и др.) можно отнести к категории государственных цифровых платформ (ГЦП). Российские эксперты определяют их как «систему формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), которая функционирует на базе открытых стандартов программно-аппаратного обеспечения». Функциональные критерии государственных цифровых платформ включают снижение затрат на государственное регулирование, постоянное обновление и анализ цифровых профилей граждан, а также создание комплексной системы для оценки общественного эффекта от использования таких платформ [Стырин, Дмитриева, Синятуллина, 2019, с. 31–53].

В данном исследовании анализируются проекции обобщенных и специализированных индексов, включая *Global E-Government Development Index*

(EGDI)¹, а также другие аналогичные показатели, применимые к цифровой среде трех стран: Китайской Народной Республики, Республики Корея и Японии. Основной акцент сделан на сравнительном анализе уровня эффективности внедрения ГЦП в указанных государствах. Исследование направлено на определение «цифровой позиции» каждой страны в этой условной тройке. Дополнительно идентифицируются ключевые цифровые сектора, которые либо находятся на стадии недостаточного развития, либо полностью отсутствуют в цифровых стратегиях их конкурентов.

Центральной задачей исследования является проведение компаративного анализа для выявления специфических характеристик каждой из исследуемых моделей цифрового прогресса. Анализ основан на изучении научной литературы авторов из России [Андрианов, 2022, с. 766–776; Вишнякова, 2023, с. 146–152; Емельянова, 2020, с. 52–61; Соломатина, 2021, с. 296–307], Китая [Ма Хуайде, 2024, с. 6–22; Сунь Цзунчжэ, 2023], Южной Кореи [Ким Сон Ок, 2020] и Японии [Kawai, 2023; Nakamura, Suzuki, 2019, р. 145–167]. Особое внимание уделено рассмотрению ключевых элементов процесса цифровизации в каждом из вышеуказанных государств.

Южнокорейская модель

В настоящее время, исходя из оценок Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), других международных организаций, Южная Корея по степени, качеству и глубине цифровизации систем госу-

дарственного управления электронного правительства, внедрению искусственного интеллекта и цифровой экономики занимает мировые лидирующие позиции.

Быстрое технологическое развитие страны в 1990-е годы обуславливало повышенный спрос на развитие цифровых сервисов и ускоряло внедрение инновационных онлайн-услуг. Приоритетом начального периода была разработка платформ электронного правительства и правового оформления в 2001 г. в рамках специального закона об электронном правительстве. В 2013 г. в основном был завершен перевод госучреждений на цифровые технологии и началась реализация программы «умного правительства», координатором которой являлось Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея. Для этого была разработана специальная платформа *eGovFrame* с открытым кодом, что позволило существенно сократить время и бюджет на поддержку системы не только электронного правительства, но и других систем других госучреждений Южной Кореи, многих частных компаний, включая зарубежные [Швецов, Рысин, 2020, с. 74–75]. К 2024 г. около 90% населения уже использовали соответствующие веб-сайты (*Gov.kr* и др.)².

В 2013–2017 гг. были определены ключевые компоненты и инновационные направления, определявшие в целом картину корейской цифровизации: активное развитие мобильных технологий, сотовая связь 5G, Интернет вещей, технологии блокчейн, криптовалюты и национальные цифровые валюты, БД, 3D-печать, развитие ИИ и облачных ресурсов. Государственные ассигнова-

1 Индекс развития электронного правительства в странах мира, комплексный показатель ООН, учитывающий степень охвата и качество интернет-услуг, уровень развития ИКТ-инфраструктуры, человеческий капитал и др. (прим. авт.).

2 E-government in South Korea – statistics & facts // Statista. – 2024. – June 19. – URL: <https://www.statista.com/topics/8246/e-government-in-south-korea/#topicOverview> (дата обращения: 16.12.2024).

ния на развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в сферы цифровизации тогда составили 100 млрд долл., а общие расходы на НИОКР в Республике Корея в 2017 г. увеличились до 4,36% ВВП [Андреанов, 2021, с. 766–776].

Политико-государственным ресурсом постоянного усиления цифровизации была политическая преемственность в данной стратегии между меняющимися президентами и правящими политическими партиями, независимо от их идеологических разногласий. Наблюдался консенсус по вопросу приоритетности цифровой трансформации и развития, сложившийся в течение 10 лет, включая созданную систему эффективной кооперации с мегакорпорациями, такими как *Samsung Electronics*, *SK Hynix*, *LG Electronics* и *Naver*, инвестирующими значительные средства в цифровые технологии³.

Несмотря на успехи цифровизации, до 2021 г. сформировался и ряд препятствий и проблем, которые полностью устранить тогда не удалось. Российские эксперты выделяют следующие: 1) отсутствие в 2017–2021 гг. стратегической ясности в отношении преимуществ цифровизации и стоимости ее внедрения; 2) низкая заинтересованность малого и среднего бизнеса, включая мощное давление чеболей⁴, уничтожавших и не допускавших конкурентов на рынки цифровых услуг; 3) отсутствие единых стандартов, критериев и индексов цифровизации и инноваций; 4) невысокий уровень кибербезопасности, особенно в контексте применения цифровых двой-

ников, обработки и защиты персональных данных, промышленной безопасности [Шпакова, Горюнова, 2021, с. 262–263].

По мере усложнения проекта цифрового правительства обнаружилось уязвимые места, связанные со слабостью защиты платформ от кибератак. В ноябре 2023 г. в результате хакерских атак цифровые государственные услуги Южной Кореи были парализованы на 56 часов, что вызвало панику и колебания на биржевых рынках РК. В связи с этим был создан план реагирования на инциденты, предусматривавший создание многоканальной системы резервного копирования документооборота, перестройку защитных программ с использованием опыта Австралии, Новой Зеландии и Великобритании⁵.

Дискуссионным для корейских специалистов остается определение единого индекса цифрового правительства и в целом критериев и стандартов цифровизации общества и государства. С одной стороны, есть мнение, что объективно оценивать уровень цифровизации, процессов конвергенции и цифровых инноваций через различные индексы и стандарты практически невозможно, и Корея идет своим особенным путем, создавая свою уникальную модель, которую, несмотря на внешнюю схожесть с западными и отдельными азиатскими системами, другим участникам применять у себя не представляется возможным [Ким Сон Ок, 2020]. С другой стороны, отмечается, что различные индексы, оценки и критерии – закономерный этап, и цифровые технологии способствуют конвергенции

3 Information and Communication Technology. International Trade Administration, U. S. // Department of Commerce. – 2023. – May 12. – URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/south-korea-information-and-communication-technology> (дата обращения: 16.12.2024).

4 Чеболи – крупные южнокорейские финансово-промышленные корпорации, находящиеся в собственности одной семьи или клана (прим. авт.).

5 Cavanaugh L. South Koreans were told to 'simply wait' – a lesson in digital government incidence response // GovInsider. – 2024. – January 16. – URL: <https://govinsiderasia/intl-en/article/south-koreans-were-told-to-simply-wait-a-lesson-in-digital-government-incidence-response> (дата обращения: 16.12.2024).

между отраслями и индексами, а появление новых направлений и структурных изменений в существующих отраслях создает новые универсальные методы и критерии оценок для различных моделей, и корейская фактически, вобрав лучший мировой опыт, является на сегодняшний день универсальной для использования и копирования отставшими по данному компоненту государствами [Роль..., 2020].

Данная методология, видимо, легла в основу официального корейского курса по продвижению опыта электронного правительства в странах Глобального Юга. 29 мая 2024 г. в рамках казахстанского Астанинского хаба⁶ РК и ряд частных корейских корпораций профинансировали и запустили проект по цифровой трансформации госсектора для Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Бангладеш, Камбоджи, Филиппин, Лаоса и Монголии (12 государств). Корейские представители, ссылаясь на свое мировое лидерство в международных рейтингах по индексу цифрового правительства, представили корейский путь цифровой трансформации в качестве некоей универсальной модели для развивающихся стран⁷.

Другой приоритет связан с разработкой искусственного интеллекта. С 17 декабря 2019 г. действует Национальная стратегия искусственного интеллекта до 2030 г.⁸, где отмечены значение технологии ИИ для корейской индустрии,

включая 9 направлений в 3 областях: экосистемы ИИ, технологических инноваций и социальной ориентации [Цифровая экономика..., 2022, с. 35–48].

В первой половине 2020-х годов прошла масштабная диверсификация различных опций ИИ как в рамках государственного управления, так и на отраслевых экономических треках, включая промышленность, энергетику, транспортную инфраструктуру и пр. Реализация и внедрение ИИ происходят в рамках сложившейся системы частно-государственного партнерства. Крупные чеболи заинтересованы в инновационной модернизации за счет использования новых возможностей искусственного интеллекта. Показательным стал пример компании *Hyundai Motor* [Вишнякова, 2023, с. 148].

В настоящее время в Республике Корея в ИИ инвестировано около 3 млрд долл. В апреле 2024 г. президент Юн Сок Ёль заявил, что к 2027 г. его страна инвестирует еще 6,94 млрд долл. в ИИ в рамках усилий по сохранению лидирующих мировых позиций в области передовых полупроводниковых чипов⁹.

Японская модель цифровизации

Экономическая стагнация Японии, часто называемая в стране «потерянным тридцатилетием» в эпоху Хэйсэй¹⁰, по мнению японских ученых, частично стала следствием отстающих инвестиций в цифровые технологии. В резуль-

6 Инновационный и технологический центр в Астане (Казахстан) // Astana Civil Service Hub. – URL: <https://www.astana-civilservicehub.org/ru/page/astana-civil-service-hub-held-a-session-within-the-world-government-summit> (дата обращения: 18.12.2024).

7 Проект по цифровой трансформации госсектора 12 стран стартовал в Казахстане // United Nations Development Programme. – 2024. – 30 мая. – URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/press-releases/proekt-po-cifrovoy-transformacii-gossekto-ra-12-stran-startoval-v-kazakhstan> (дата обращения: 18.12.2024).

8 Национальная стратегия ИИ = 인공지능 국가전략. – Сеул. – 2019. – 51 с. – Кор. яз. – URL: <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=190114031&tblKey=GMN> (дата обращения: 19.12.2024).

9 Южная Корея инвестирует \$ 7 млрд в искусственный интеллект, чтобы сохранить преимущество на рынке полупроводников // Инк. – 2024. – 13 апреля. – URL: <https://incrossia.ru/news/yuzhnaya-koreya-investiruet-7-mlrd-v-iskusstvennyj-intellekt-chtoby-sohranit-preimushhestvo-na-rynke-poluprovodnikov/> (дата обращения: 19.12.2024).

10 Эпоха Хэйсэй – девиз правления японского императора Акихито с 1989 по 2019 г. (прим. авт.).

тате с конца 2010-х годов государственные службы всё больше внимания стали уделять цифровой трансформации, критически важному фактору, отсутствовавшему до этого времени в экономической траектории страны¹¹.

Концептуальным, стратегическим документом Японии в сфере цифровой трансформации госуправления стала программа «Общество 5.0», принятая в 2016 г., сформировавшая некую «дорожную карту» управляемого перехода общества и государства в цифровую экономику на основе частно-государственного партнерства. Японские ученые, обсуждая ее параметры, подчеркивали основную новацию – курс на объединение киберпространства и реального, физического (социального, политического, административного) пространства [Базовый..., 2021].

Развивая частно-государственную кооперацию, японские государственные ведомства активно привлекали инвестиции крупных японских корпораций, выступивших в роли подрядчиков процесса цифровизации. Так, компания «Мицубиси Электрик», создав платформу *e-F@ctory*, начала продвижение цифровых производств, используя технологию *Edge Computing* (периферийные вычисления), которая работает с данными, анализируя, отбирая и преобразовывая их в информацию, необходимую для принятия оптимальных управленческих решений [Литвинова, Кузнецов, Наумов, 2022, с. 77–81].

Российские специалисты, отмечая сильные и слабые стороны стратегии «Общество 5.0», подчеркивают активное использование искусственного интеллекта, облачных сервисов, больших данных и других цифровых инноваций, что позволяет японцам формировать

синергию/слияние физического и цифрового пространств. За счет цифровой оптимизации возможны решение проблемы нехватки продовольствия, потребления энергоресурсов, продвижение дистанционного медицинского обслуживания и снижение социальных издержек, связанных со старением населения и снижением рождаемости в Японии, а также ликвидация межрегиональных диспропорций с тем, чтобы все граждане имели одинаковый доступ к государственным услугам и сопоставимый уровень качества жизни [Емельянова, 2020, с. 52–61].

При этом следует отметить некоторую переоценку и абсолютизацию японцами, на наш взгляд, абсолютной и определяющей роли ИИ во всех сферах жизни общества и государства. Соглашаясь с тем, что на социальных треках искусственный интеллект, включая программы Интернета вещей и другие, может самостоятельно, без человека решать текущие задачи, отметим, что в то же время в области государственного управления, особенно в таких вопросах, как военно-политическая, экономическая и технологическая безопасность, контроль в принятии решений и корректировка управленческой логики должны оставаться полностью за человеком.

Создание электронного правительства также имело свои особенности. В 2018 г. правительство Японии приняло План внедрения цифрового правительства, который предполагал охват онлайн-услугами всех центральных и местных органов власти, включая частный сектор. С 2019 г. в условиях пандемии *COVID-19* был сделан акцент на сервисы здравоохранения, а в июне 2022 г. правительство одобрило новый документ – Приоритетную программу

11 Komatsu T. The Use of Digital Technology in Japan's Local Governments: Trends and Features // Georgetown Public Policy Review. – 2024. – March 14. – URL: <https://gppreview.com/2024/03/14/the-use-of-digital-technology-in-japans-local-governments-trends-and-features%E2%82%AC%80/> (дата обращения: 20.12.2024).

политики по реализации цифрового общества, в котором детализировались конкретные шаги по отдельным агентствам и основные направления работы электронного правительства: предоставление государственных услуг, ориентированных на граждан; модернизация цифровой инфраструктуры для инклюзивного роста; укрепление цифровой устойчивости. При этом иностранные аффилированные фирмы, технологии и привлеченные квалифицированные специалисты из США, Южной Кореи и других стран были ключевыми игроками в процессе реализации проекта цифрового правительства и его основных сервисов и платформ¹².

В 2022 г. многие сингапурские эксперты отмечали, что пандемия подчеркнула неравномерность развития технологий в Японии. Несмотря на то, что страна являлась одним из крупнейших в мире пользователей промышленными роботами и электронной промышленностью, она по-прежнему отставала от других государств (США, Южной Кореи, Сингапура) в цифровизации бизнеса, сохраняя зависимость от устаревших ИТ-систем. Наблюдалось также отставание по технологиям внедрения безналичных платежей и электронной коммерции¹³.

Научный сотрудник Японского института международных отношений (JIIO) Дайсукэ Каваи, анализируя факторы, замедлявшие темпы цифровой трансформации в Японии, указывает на недостаточные инвестиции в информационно-коммуникационные тех-

нологии: в 2020-х годах 80% расходов на ИКТ направлялось на поддержание устаревших систем. В результате более 1,9 тыс. межправительственных коммуникаций по-прежнему использовали устройства хранения данных прошлого поколения, включая компакт-диски, мини-диски и даже дискеты. К тормозящим факторам ученый также относит сопротивление части общества (в основном старшее и среднее поколение) принятию быстрых и радикальных технологических решений, нехватку квалифицированных человеческих ресурсов, административную неэффективность, вызванную недостаточной координацией между разработчиками платформ и чиновниками госслужбы, ответственными за внедрение [Kawai, 2023].

Одним из вариантов сокращения разрывов и отставания стал проект 2019 г. цифрового правительства Японии «Мой номер», который фактически модернизировал систему социального обеспечения и налогового учета с использованием цифровых новаций, увеличил быстроту и качество обмена информацией между государственными учреждениями, повысив прозрачность и подотчетность государственного управления [Nakamura, Suzuki, 2019, p. 145–167].

Как показывают японские официальные отчеты и другие документы, проект «Мой номер» успешно вошел в систему цифровой трансформации госуправления, усилив модернизацию официальных структур и онлайн-услуг¹⁴. При этом говорить о радикальном сокращении отставания Японии

12 A Nation's Drive Towards a Data-first Digital Society Future // Japan External Trade Organization (JETRO). – 2022. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/invest/insights/japan-insight/nation-drive-datafirst-digital-society-future.html#:~:text=In%202018%2C%20the%20Government%20of,as%20in%20the%20private%20sector> (дата обращения: 19.12.2024).

13 Sodsriwiboon P., Khera P., Xu R. Japan's Digitalization Can Add Momentum for Economic Rebound // International Monetary Fund. – 2022. – June 1. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/05/31/CF-Japan-Digitalization-Can-Add-Momentum-for-Economic-Rebound#:~:text=Our%20study%20shows%20that%20scaling,could%20provide%20additional%20growth%20momentum> (дата обращения: 20.12.2024).

14 History of Digitalization in Japan // Ministry of Internal Affairs and Communications (Japan). – 2021. – URL: <https://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/whitepaper/eng/WP2021/chapter-introduction.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

и выходе ее на ведущие мировые позиции в цифровых сервисах электронного правительства за счет данного проекта не приходилось.

В этом же русле была диверсификация, запущенная премьером Фумио Кисидой 1 июня 2022 г. на 8-м заседании Совета по цифровизации городского и сельского населения, инициатива «Цифровой город-сад», предполагающая удвоение цифровых инвестиций с общим бюджетом в 5,7 трлн иен (42 млрд долл.). При этом инициатива позиционировалась как этап «нового японского капитализма» и цифрового общества, в котором «...каждый сможет пользоваться преимуществами цифровизации»¹⁵.

Суть проекта заключалась в использовании цифровых инструментов для улучшения сельской жизни и оживления регионов на периферии экономики. Развитие сельских районов было проблемой со времен администрации премьер-министра Японии Синдзо Абэ (в 2006–2007 и 2012–2020), и «Цифровой город-сад» был в основном направлен на создание для сельских жителей таких же условий и возможностей, как и в городских районах, с помощью цифровых технологий¹⁶.

Китайский цифровой путь

Особенностью раннего этапа цифровизации в Китае было сочетание двух тенденций. С одной стороны, отставая от ведущих западных стран в разработке ключевых компонентов цифровизации (2018 г. Китай по уровню цифровизации занимал только

32-е место в мире) [Кузнецова, 2018], Китай не только активно использовал зарубежный опыт, но и разрабатывал свою концепцию ключевых цифровых проектов на основе успешно апробированных в США, странах ЕС, Южной Кореи и Японии цифровых форматов. Лидерами в этой области были крупные китайские технологические корпорации: *Tencent, Alibaba, Huawei, ZTE* и др.

С другой стороны, в 2016–2019 гг., в период президентства Д. Трампа в США, когда китайско-американские отношения резко обострились, выйдя на уровень известных торговых и технологических войн, Вашингтон начал проводить в отношении КНР стратегию сдерживания и отбрасывания ее на периферию технологического развития, включая процессы цифровизации в экономике и госуправлении [Лузянин, 2023, с. 5–13]. В ответ Китай стал активно разрабатывать собственные концепции цифрового суверенитета как инструмент укрепления национальной безопасности.

Китайская программа 2017 г. «О развитии искусственного интеллекта нового поколения» (新一代人工智能发展规划)¹⁷ была сфокусирована не только на развитии инноваций, но и на вопросах повышения технологической независимости в условиях геополитической конкуренции. При этом программа, предполагая вовлеченность китайских компаний в производственные западные, глобалистские цепочки и использование Китаем их достижений, содержала ряд цифровых новаций, не зависящих от западных платформ и стандартов. Особенно ярко эта кон-

15 Основная политика в отношении Национальной концепции цифрового города-сада = デジタル田園都市国家構想基本方針 // Cabinet Secretariat (Japan). – 2022. – 7 июня. – Япон. яз. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/digital_denen/pdf/20220607_honbun.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

16 Национальная инициатива «Цифровой город-сад» = デジタル田園都市国家構想 // Digital Agency (Japan). – 2022. – Япон. яз. – URL: https://www.digital.go.jp/policies/digital_garden_city_nation (дата обращения: 20.12.2024).

17 Госсовет опубликовал «План развития искусственного интеллекта нового поколения» = 国务院印发《新一代人工智能发展规划》 // Госсовет КНР. – 2017. – 20 июля. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-07/20/content_5212064.htm (дата обращения: 21.01.2024).

курения проявлялась в сфере производства и цепочек поставок чипов и полупроводников и последующем обострении конкуренции с США, РК, Японией [Денисов, 2023, с. 9–25].

После того, как в 2019 г. американские власти ввели санкционные ограничения против компании *Huawei* и других ведущих китайских технологических корпораций, в КНР осознали, что данная чувствительная область должна иметь собственный, национальный алгоритм развития, собственную концепцию и независимые инструменты ее реализации. Проблема «параллельного» развития цифровой индустрии – сохранение кооперационных проектов с Западом и усиление своего цифрового суверенитета с постепенным вытеснением западных стандартов и программ из китайского цифрового пространства – стала основной для китайских разработчиков.

Усиливая свой цифровой суверенитет, Китай стал резко наращивать НИОКР в сфере цифровых и технологических инноваций. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2020 г. Китай подал 1,4 млн патентных заявок, что в 3 раза превышает показатели США за тот же период. По уровню цифровизации в 2022 г. экономика КНР вышла на 2-е место в мире, и, по прогнозам, к 2025 г. масштабы цифровой экономики Китая достигнут 32,67 трлн юаней (5,1 трлн долл.), а темп роста составит 11,3%. Об уровне цифровизации в Китае свидетельствует и тот факт, что в цифровом формате китайским гражданам услуги предоставляют сегодня 46 министерств и ведомств, а на национальном портале госуслуг в 2022 г. уже было зарегистрировано около 800 млн чел. [Мельникова, 2022].

В 2015–2017 гг. процесс создания электронного правительства в Китае носил «очаговый», децентрализован-

ный и неравномерный характер. Цифровизация местных (провинциальных) правительств в основном активно развивалась в крупных мегаполисах, приморских городах и центрах развитых технопарков, не охватывая сельскую местность. Допускались значительные вариации толкований стандартов и критериев проекта цифрового правительства, что вело к многообразию местных практик, а также к трудностям взаимодействия различных платформ [Кузнецова, 2018].

В настоящее время цифровое правительство находится в активной зоне строительства и охватывает все уровни государства: 22 провинции, 5 автономных округов, 3 города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), сеть уездных округов и поселков, а также различные бизнес-системы, финансовый сектор, транспорт, промышленность, торговлю, здравоохранение, образование и др. [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Цифровое правительство определяет направление строительства «умных городов» и способствует их развитию, которые, в свою очередь, ускоряют трансформацию функций правительства. При этом китайские эксперты выделяют четыре основные проблемы, которые они называют «болевыми точками роста»: 1) децентрализация облачных ресурсов, создаваемых большими и малыми городами и поселками, приводит к неэффективному использованию цифровых данных, их нестыковке и возникающим несоответствиям; 2) неизученность проблемы спроса и предложения при обмене государственными данными и необходимость эффективного и рационального их использования (китайские эксперты считают, что эффективность цифровых платформ может быть увеличена на 27,5% [Сунь Цзунчжэ, 2023]); 3) недостаточная интеграция и дифференциация цифровых технологий в ко-

операции мелкого/среднего бизнеса и сервисов государственных услуг [Ма Хуайде, 2024, с. 6–22]; 4) острая нехватка талантливых специалистов, знакомых с государственным бизнесом и цифровыми технологиями при отсутствии у большей части чиновников всех уровней цифрового мышления и цифровых знаний [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Другой проблемный блок связан с информационно-технологической безопасностью. В настоящее время в КНР запускаются обновленные программы генеративного искусственного интеллекта, представленных *ChatGPT*. За счет расширения возможностей данных технологий китайские программисты создают дополнительные защитные и контрольные программы и механизмы с учетом национальной безопасности страны, совершенствуя системы кибербезопасности и борьбу со злоупотреблением данными, хакерскими атаками, искусственными колебаниями на рынке труда и пр. [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Китайское руководство, признавая сохраняющуюся лидерство США в отдельных областях цифровой экономики, пытается найти собственный независимый сегмент, который можно было бы превратить в локомотив для дальнейшего разгона в целом китайской суверенной цифровизации. И таким локомотивом становятся большие данные, где став мировым лидером, обогнав в этом компоненте США, Южную Корею и Японию, Пекин формирует основные запросы на внешних рынках и создает на своих внутренних рынках новую модель гармоничного распределения благ и обязанностей, развивая инновационную логику циф-

ровой трансформации [Сяо Цзинхуа, Се Кан, У Яо, 2020, с. 7–18].

В Китае впервые в мире для развития и организации технологий больших данных использованы государственные институты. 25 октября 2023 г. в г. Пекине открыто Государственное управление данных КНР. До этого была опубликована Белая книга о факторе данных (数据要素白皮书)¹⁸, ключевой тезис которой – обеспечение безопасности данных, которые становятся слишком ценным активом и нуждаются в надежной защите от внешних и внутренних угроз. Концептуальная часть политики суверенизации данных была подкреплена в 2023 г. соответствующими нормативными актами – законами о кибербезопасности, о безопасности данных, о защите персональной информации и др. [Денисов, 2023, с. 9–25].

Еще одним преимуществом Китая становится проект Цифровой Шёлковый путь (ЦШП), не имеющий аналогов в мире [Сюй Фэн, Го Чаосянь, 2023, с. 41–47], ключевые алгоритмы которого – развитие инноваций, цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, продвижение и разработка квантовых компьютеров, строительство больших данных и облачных вычислений¹⁹.

Одной из особенностей начального этапа ЦШП был акцент на привлечение западных (США, ЕС) и азиатских (Япония, Южная Корея, Сингапур) партнеров к проекту с целью получения от них цифровых и технологических инноваций в обмен на китайские инвестиции в их инфраструктурные проекты и либерализацию торговли [Соломатина, 2021, с. 296–307]. К 2023 г. была постро-

18 Китайская академия информационных и коммуникационных технологий выпускает «Белую книгу по большим данным (2022 г.)» = 中国信通院发布《大数据白皮书（2022年）》 // Китайская академия наук. – 2023. – 18 января. – Кит. яз. – URL: https://ecas.cas.cn/xxkw/kbcd/201115_129579/ml/xxhjsyjcss/202301/t20230118_4939600.html (дата обращения: 21.12.2024).

19 Си Цзиньпин. Цифровой Шёлковый путь 21-го века становится новой яркой точкой строительства «Одного пояса, одного пути» // China Foreign Language Mansion. – 2017. – 16 мая. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-05/16/content_40826412.htm (дата обращения: 25.12.2024).

ена наземная оптическая кабельная сеть (34 трансграничных международных кабеля с Россией, Монголией, АСЕАН, Центральной и Южной Азией). В рамках проекта «Мир» китайские корпорации построили межконтинентальный подводный кабель «Азия – Европа» (15 тыс. км) а также крупнейшую в мире сеть 5G гигабитной широкополосной связи (1,9 млн базовых станций 5G), охватывающих 3,3 млрд чел. [Сюй Фэн, Го Чаосянь, 2023, с. 41–47]. В условиях растущего сдерживания Западом китайской инициативы «Один пояс – один путь» Пекин в рамках ЦШП всё больше ориентируется на развивающиеся страны Глобального Юга²⁰, в котором Поднебесная традиционно имела и имеет сильное влияние.

Цифровые рейтинги

С 2001 г. уровень развития электронного правительства в 193 государствах – членах ООН отслеживается с помощью Индекса электронного правительства ООН (EGDI) [UN..., 2024],

который измеряет прогресс на национальном уровне. Данный показатель предназначен для оценки достижений в области цифрового управления в каждом государстве. EGDI представляет собой агрегированный индикатор, вычисляемый как средневзвешенная величина трех нормализованных индексов: Индекса телекоммуникационной инфраструктуры ((ТИ), базируется на данных Международного союза электросвязи (ITU)); Индекса человеческого капитала ((HCI), формируется главным образом на основе информации, предоставленной ЮНЕСКО (Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры)); Индекса онлайн-услуг ((OSI), сформирован на основе данных, собранных в результате независимой онлайн-оценки Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, агрегированных из соответствующих субиндексов) (таблица 1).

Результаты исследования сведены в таблицу и представлены в виде на-

Таблица 1. Индексы и субиндексы компонентов EGDI

Table 1. EGDI component indices and subindices

Индекс	Индекс развития электронного правительства (IGDI)		
	Индекс онлайн-услуг (OSI)	Индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ)	Индекс человеческого капитала (HCI)
Субиндексы	институциональная структура – предоставление услуг – предоставление контента – технология – электронное участие (э-информирование, э-консультирование, э-принятие решений)	пользователи Интернета – абоненты мобильной сотовой связи – абоненты беспроводного широкополосного доступа – доступность широкополосного Интернета	уровень грамотности взрослого населения – валовой коэффициент охвата образования – ожидаемая продолжительность обучения – средняя продолжительность обучения – грамотность в области электронного правительства

Источник: [UN..., 2024, p. 4].

20 Чжэн Сюй. «Цифровой Шелковый путь»: новые возможности развития инноваций // Китай. – 2023. – 1 ноября. – URL: http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/202311/t20231101_800347693.html (дата обращения: 25.12.2024); Лю Цянь. Цифровой Шелковый путь ускоряет мировую модернизацию = 刘倩. 数字丝绸之路加速世界现代化 // Один пояс, один путь = 一带一路. – 2023. – 30 ноября. – Кит. яз. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0RRKAALU.html> (дата обращения: 26.12.2024).

Таблица 2. РК, Япония и Китай в рейтинге стран, лидирующих в развитии электронного правительства в Азии, 2024 г.**Table 2.** Republic of Korea, Japan and China in the ranking of countries leading in e-government development in Asia, 2024

Страна	Рейтинг EGDl (мир)	OSI	HCI	TII	EGDI (2024)	EGDI (2022)
Сингапур	3	0,9831	0,9362	0,9881	0,9691	0,9133
Республика Корея	4	1,0000	0,9120	0,9917	0,9679	0,9529
Япония	13	0,9427	0,9117	0,9509	0,9351	0,9002
Китай	35	0,9258	0,7992	0,8995	0,8718	0,8119

Источник: [UN..., 2024, p. 111].

бора стандартизированных значений индекса по шкале от 0 до 1, где 1 соответствует наивысшему рейтингу предоставления онлайн-услуг, а 0 – самому низкому (таблица 2).

Если определить «цифровое место» каждого из государств в данной условной тройке стран по степени эффективности развития ГЦП, на 1-м месте стоит Южная Корея. При этом следует учитывать, что цифровизация населения в КНР (1,4 млрд чел.) по степени сложности и охвату отличается от аналогичных задач в Японии (124,3 млн чел.) и РК (51,7 млн чел.). Похожая асимметрия наблюдается и в плане территориального охвата: КНР – 9,6 млн кв. км, Япония – 378 тыс. кв. км, РК – 100 тыс. кв. км. И если суммировать все разнообразные данные и многочисленные индексы цифровизации, на наш взгляд, можно выстроить следующий «цифровой ряд» по степени цифровизации: РК – КНР – Япония.

Заключение

В зависимости от своих уникальных характеристик, включая инфраструктурные особенности, уровень технологического прогресса и другие экзогенные факторы, государства разрабатывают индивидуальные стратегии внедрения цифровых сервисов,

адаптированных под локальные условия и возможности. Южнокорейская модель, изначально формировавшаяся под влиянием западных (американских) платформ и стандартов, развивается в рамках национальных приоритетов, используя ресурсы и возможности корейской модели технологической модернизации, ресурсы крупных корпораций – чеболей, успешный опыт периода экономических реформ 1980-х – середины 1990-х годов и технологические инновации последнего десятилетия. Акцент в цифровизации делается на проектах электронного правительства, которые по всем мировым индексам и показателям считаются лучшими в мире.

Специфика японской цифровизации связана как с наличием огромных технологических, валютно-финансовых ресурсов и возможностей, созданных в годы японского «экономического чуда», так и с тормозящим влиянием процессов общей экономической стагнации 2000-х годов, с ориентацией на социально-общественные проекты «Мой номер», «Умный город – сад» и др.

В китайской модели усиливается тенденция централизации и государственного контроля ключевых цифровых проектов, обусловленная особенностями политико-государственного и экономического устройства. Китай

делает акцент на развитие и продвижение больших данных, ЦШП и других направлений в рамках жесткой институционализации и достижения цифрового суверенитета в условиях усиления геополитического и экономического соперничества с США.

Общим для всех трех государств, являющихся мировыми экономическими лидерами, остается проблема цифровой безопасности и нейтрализации вызовов и угроз, возникающих в ходе цифровой трансформации государственного управления, экономики и социальной сферы.

Список литературы

Андрианов В.Д. Республика Корея: от креативной к цифровой экономике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – С. 766–776.

Вишнякова В.В. Стратегия цифровой трансформации в промышленности Республики Корея (2019–2025 гг.) на примере «Хендэ Мотор» // Современные проблемы Корейского полуострова: 2023. – Москва : ИКСА РАН. – 2023. – С. 146–152. – DOI: 10.48647/ISSA.2023.74.22.025.

Денисов И.Е. Американское давление на китайский технологический сектор и возможности альянса *Chip 4* в сдерживании Китая // Российское китаеведение. – 2023. – № 4 (5). – С. 9–25. – DOI: 10.48647/ISSA.2024.59.72.001.

Емельянова О.Н. Факторы и перспективы перехода Японии к цифровому обществу. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 4. – С. 52–61. – DOI: 10.20542/afij-2020-4-52-61.

Кузнецова В.В. Практика цифровизации государственного управления в Китае // МГУ. – 2018. – 24 с. – URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Литвинова Л.В., Кузнецов М.А., Намумов Е.С. Цифровизация экономики в современной Японии // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Т. 4, № 4 (67). – С. 77–81. – DOI: 10/24412/2500-1000-2022-4-4-77-80.

Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.31857/S032150750024431-6.

Мельникова О.А. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь. – 2022. – 13 декабря. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38218> (дата обращения: 25.12.2024).

Соломатина А.Р. Цифровой шёлковый путь как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 296–307. – DOI: 10.24412/2618-7426-2021-4-296-307.

Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х. Государственно-цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 4. – С. 31–53.

Цифровая экономика и искусственный интеллект в Республике Корея: практика политико-правового воздействия / В.И. Волощак [и др.]. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 35–48. – DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/35-48.

Швецов А.Н., Рысина В.Н. Цифровизация в России на фоне лучшего зарубежного опыта // ЭКО. – 2020. – № 2. – С. 60–80. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-60-80.

Шпакова А.А., Горюнова С.А. Стратегические программы по цифровизации экономики в Южной Корее // Ars

Administrandi (Искусство управления). – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 260–284. – DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Kawai D. Overcoming Japan's Uphill Battle Toward Digital Transformation // The National Bureau of Asian Research. – 2023. – March 7. – URL: <https://www.nbr.org/publication/overcoming-japans-uphill-battle-toward-digital-transformation/> (дата обращения: 19.12.2024).

Nakamura A., Suzuki K. Japan's Attempts to Digitalise Government: An Introduction of "My Number" System in Reforming Public Management // Public Service Excellence in the 21st Century. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 145–167. – DOI: 10.1007/978-981-13-3215-9_5.

UN E-Government Survey 2024. – New York: UNDESA, 2024. – 205p. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).

Базовый план по науке, технологиям и инновациям. Решение Кабинета министров = 科学技術・イノベーション基本計画. 閣議決定 // Кабинет министров правительства Японии = 内閣. – 2021. – 26 марта. – 84 с. – Япон. яз. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

Ким Сон Ок. Направление цифровой трансформации Кореи через индексы = 김성옥. 지수로 본 한국 디지털 전환의 방향 // Корейский институт исследований будущего = (사)국가미래연구원. – 2022. – 7 июня. – Кор. яз. – URL: https://www.ifs.or.kr/bbs/board.php?bo_table=News&wr_id=4289 (дата обращения: 17.12.2024).

Ма Хуайде. Путь построения цифрового правового правительства = 马怀德. 数字法治政府的建设路径 // Журнал Восточно-Китайского университета политических наук и права = 华东政法大学学报. – 2024. – № 3. – С. 6–22. – Кит. яз.

Роль и вклад ведущих компаний в региональную инновационную экосистему в переходную эпоху = 김승현 외, 전환시대 지역혁신생태계에서 선도기업의 역할과 기여 / Ким Сын Хён [и др.]. – Седжон : Институт научно-технической политики = 과학기술정책연구원 (STERI), 2020. – 458 с. – Кор. яз.

Сунь Цзунчжэ. Несколько мыслей о создании и развитии цифрового правительства страны в контексте Цифрового Китая = 孙宗哲. 数字中国背景下关于我国数字政府建设与发展的一点思考 // Китайская академия информации и коммуникаций = 中国信通院 (CAICT). – 2023. – 21 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://www.secrss.com/articles/53972> (дата обращения: 25.12.2024).

Сюй Фэн, Го Чаосянь. Достижения и перспективы строительства Цифрового Шёлкового пути за последние десять лет = 徐枫, 郭朝先. 数字丝绸之路建设十年成就与未来展望 // Обзор развития Китая = 中国发展观察. – 2023. – № 21. – С. 41–47. – Кит. яз.

Сяо Цзинхуа, Се Кан, У Яо. Адаптивные инновации в продуктах, основанные на данных – инновационная логика цифровой экономики = 肖静华, 谢康, 吴瑶. 数据驱动的产品适应性创新 – 数字经济的创新逻辑 // Журнал Пекинского университета Цзяотун (издание по общественным наукам = 北京交通大学学报(社会科学版). – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 7–18. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Outlines of Digital Transformations in South Korea, Japan, and China: Challenges, Opportunities, and Risks

Otabek M. UMAROV

PhD Candidate of the Faculty of World Economics and World Politics
National Research University Higher School of Economics
Bolshaya Ordynka Street, 47/7, building 1, Moscow, Russian Federation, 115184
E-mail: omuhammadaliyevich@mail.ru
ORCID: 0009-0008-3091-1872

CITATION: Umarov O.M. (2025). Outlines of Digital Transformations in South Korea, Japan, and China: Challenges, Opportunities, and Risks. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 78–94 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Received: 07.11.2024.

Revised: 21.01.2025.

ABSTRACT. *The digitalization of public administration and the digital economy in both developed and developing countries is becoming one of the key factors of state sovereignty and stability, providing the technological and informational foundation for the effectiveness of domestic and foreign policy, as well as national security. The article examines the processes of digitalizing of public administration and promoting of Artificial Intelligence, Big Data, and other innovations in the digital economy using the examples of three leading East Asian countries – South Korea, Japan, and China. Based on a selective analysis of individual digital components of national digital models, the author identifies the key elements of digitalization in these countries and analyzes their level and efficiency, along with the special features and “bottlenecks” characteristic of each model. Methodologically, most digital projects can be reduced to the concept of “state digital platforms” (SDPs), the evaluation criteria of which*

include reducing the costs of state regulation, dynamically updating and analyzing of digital profiles and related functions. By projecting general and specialized indices onto the digital realities of the aforementioned states, the article determines the “digital position” of each among the three economic leaders of East Asia.

KEYWORDS: *Digitalization, South Korea, Japan, China, e-government, Artificial Intelligence, security.*

References

Andrianov V.D. (2022). Republic of Korea: from creative to digital economy. In: *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Yearbook, vol. 5, part 1. Moscow: INION RAN, pp. 766–776 (in Russian).

Bazoviy... (2021). *Basic Plan for Science, Technology and Innovation*. Cabinet of Ministers of the Government of Japan,

March 26, 84 pp. (in Japanese). Available at: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeika-ku/6honbun.pdf>, accessed 20.12.2024.

Cifrovaya ... (2022). Digital Economy and Artificial Intelligence in the Republic of Korea: Practice of Political and Legal Impact. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. Vol. 24, no. 4, pp. 35–48 (in Russian). DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/35-48.

Denisov I.E. (2023). American pressure on the Chinese technology sector and the possibilities of the Chip 4 alliance in containing China. *Russian Sinology*. No. 4 (5), pp. 9–25 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.72.001.

Kawai D. (2023). Overcoming Japan's Uphill Battle Toward Digital Transformation. *The National Bureau of Asian Research*, March 7. Available at: <https://www.nbr.org/publication/overcoming-japans-uphill-battle-toward-digital-transformation/>, accessed 19.12.2024.

Kim Seong-ok (2022). *The Direction of Digital Transformation in Korea as Seen Through Index*. National Future Research Institute, June 7 (in Korean). Available at: https://www.ifs.or.kr/bbs/board.php?bo_table=News&wr_id=4289, accessed 17.12.2024.

Kuznetsova V.V. (2018). *Practice of Digitalization of Public Administration in China*. Moscow State University, 24 pp. (in Russian). Available at: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf, accessed 20.12.2024.

Litvinova L.V., Kuznetsov M.A., Naumov E.S. (2022). Digitalization of the Economy in Modern Japan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 4, no. 4 (67), pp. 77–81 (in Russian). DOI: 10/24412/2500-1000-2022-4-4-77-80.

Luzyanin S.G. (2023). China – USA: Model 2023. “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa Today*. No. 2, pp. 5–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750024431-6.

Ma Huaide (2024). The Path to Building a Digital Rule of Law Government. *Journal of East China University of Political Science and Law*. No. 3, pp. 6–22 (in Chinese).

Melnikova O.A. (2022). China's experience in protecting national cyber sovereignty. *The International Affairs*. December 13 (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/38218>, accessed 25.12.2024.

Nakamura A., Suzuki K. (2019). Japan's Attempts to Digitalise Government: An Introduction of “My Number” System in Reforming Public Management. In: *Public Service Excellence in the 21st Century*. Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 145–167. DOI: 10.1007/978-981-13-3215-9_5.

Rol'... (2020). *The Role and Contribution of Leading Innovation Actors in the Regional Innovation Ecosystem in the Era of Transition*. Sejong: Science and Technology Policy Institute (STEPI), 458 pp. (in Korean).

Shpakova A.A., Goryunova S.A. (2021). Strategic programs for digitalization of the economy of South Korea. *Ars Administrandi (The Art of Management)*. Vol. 13, no. 2, pp. 260–284 (in Russian). DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Shvetsov A.N., Rysina V.N. (2020). “Digitalization” of Public Management in Russia Against the Background of Best International Practice. *ECO*. No. 2, pp. 60–80 (in Russian). DOI: 10.30680/EC00131-7652-2020-2-60-80.

Solomatina A.R. (2021). Digital Silk Road as a Component of the One Belt – One Road Initiative. *Post-Soviet Studies*. Vol. 4, no. 4, pp. 296–307 (in Russian). DOI: 10.24412/2618-7426-2021-4-296-307.

Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatulina L.Kh. (2019). State-digital platforms: from concept to implementation. *Issues of State and Municipal Administration*. No. 4, pp. 31–53 (in Russian).

Sun Zongzhe (2023). *Some Thoughts on the Establishment and Development of My*

Country's Digital Government in the Context of Digital China. China Academy of Information and Communications Technology (CAICT). April 21 (in Chinese). Available at: <https://www.secrss.com/articles/53972>, accessed 25.12.2024.

UN... (2024). *UN E-Government Survey 2024*. New York: UN DESA, 205 pp. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf>, accessed 26.12.2024.

Vishnyakova V.V. (2023). Strategy of digital transformation in the industry of the Republic of Korea (2019–2025) on the example of Hyundai Motor. *Modern Problems of the Korean*

Peninsula: 2023. Moscow: IKSA RAN, pp. 146–152 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.74.22.025.

Xiao Jinghua, Xie Kang, Wu Yao (2020). Data-driven product adaptive innovation – the innovation logic of digital economy. *Journal of Beijing Jiaotong University (Social Sciences Edition)*. Vol. 19, no. 1, pp. 7–18 (in Chinese).

Xu Feng, Guo Chaoxian (2023). Achievements and future prospects of the Digital Silk Road construction over the past decade. *China Development Observer*. No. 21, pp. 41–47 (in Chinese).

Yemlyanova O.N. (2020). Factors and Prospects of Japan's Transition to a Digital Society. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 52–61 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2020-4-52-61.